

Иронические стихи

***

Трёхкомнатное логово души
Меняю на безадресное небо.
Меняю символ века «барыши»
На то, что бескорыстно и нелепо.

Меняю ваши баксы на рубли.
(Ведь у советских собственная гордость).
Всех расписных красавчиков земли
Меняю на единственную морду.

Меняю весь свой жизненный улов
На золотую рыбку-одиночку
И тысячу своих дурацких слов
На Пушкина божественную строчку.

***

Школьная контрольная.
Тшетно – не решу.
Но сижу довольная –
Я стихи пишу!

И задачи с тыщами
Сводятся к нулю...
Не сказать, не высчитать,
Как тебя люблю.

Крутит жизнь бессонное
Пестрое кино.
Марши Мендельсоновы
Минули давно.

Пленка даром тратится,
И в итоге – нуль.
Я – в домашнем платице
Посреди кастрюль.

То – к тазам со сливою,
То – к карандашу...
Но брожу счастливая –
Я стихи пишу!

Пусть пирог я выброшу,
Щи пересолю,
Но зато я выражу,
Как тебя люблю!

***

Мой мирок, мой рай запечный,
Незатейливый, как лапоть.
Ужин сытный, чай покрепче, –
Что ещё для жизни надоть?

Оставляю без вниманья
Бред любви и книжный шорох,
Коль очаг меня поманит,
Где белья невытый ворох.

Ни к чему багром иллюзий
Ворошить души колодец.
Я скажу незваной Музе:
«Ну зачем ты мне, уродец?»

Путь от печки до порога
Завещал нам мудрый предок.
И бессмертие с Чертога
Мне швыряет свой объедок.

***

Я возвращаюсь в знакомый контекст
Кухни, балкона, двора.
Сколько ещё здесь отчёркнутых мест,
Что мне исправить пора.

Всё подчищаю ошибки, ворча,
И недоделки в быту.
С жабою розу Есенин венчал,
Я же с куплетом – плитку.

***

*На рукомойнике моём
Позеленела медь,
Но так играет луч на нём,
Что весело глядеть!
... запах дёгтя свежий,
таинственная плесень на стене.*

А.Ахматова

*Вдоль полок палец по привычке
Скользит во власти забытья.
Как хорошо лежат частички
Таинственного бытия:
Реснички, ниточки, ворсинки...
Как нежен хаос, волокнист!*

А.Кушнер

Как грубо чувствуют плебеи,
Когда являют спорость рук.
Я портить красоты не смею:
Я воспеваю ржавость труб,

Я, в свежем дёгте и суглинке,
Лелею плесень на стене,
Не смею смахивать пылинки,
Чтоб хаос был ещё нежней;

Любуюсь контуром ажурным,
Что влагой с потолка набух,
И вижу в крошке штукатурной
Летящий с уст Эола пух.

А если рухнет перекрытье
И погребёт меня под ним –
Придут поклонники почтить мя
И скажут, головы склонив:

«Погиб поэт! Невольник быта.
Хоть не умел он ни черта –
Он выше нашего корыта.
Он дух святой... не нам чета».

Стихи в защиту таракана

Завелись на кухне тараканы.
Не едят травильную кашицу.
Может, завести на них капканы?
Или просто с ними подружиться?

Не морите тараканов, братцы!
Каждый хочет жить на белом свете.
И потом ведь, если разобраться,
И у тараканов тоже дети.

Для чего-то тараканье племя
Сотворила в древности природа.
Как бы ни давили их всё время –
Не скудеет вечная порода.

Может, из-за травли этих бестий
На земле какой баланс нарушен?
Может, наши беды – лишь возмездье
Нам за их погубленные души.

***

Как камень с плеч свалился враз –
Машины продали и дачу.
Отныне мчи меня, Пегас,
По бездорожью, наудачу!

Не попадаю в колею,
В следы людских стереотипов.
И легкомысленно плюю
На всех жизнеспособных типов.

О рабства огородный плен,
Ионычей святое братство!
Убогим видится с колен
Мне ваше нищее богатство.

О чём жалеть? О чём тужить?
Спешить в леса к дубам и клёнам.
Как хорошо отныне жить
Свободным и непреклонным!

***

Иных миров благая весть
Витала над умами.
И звёзды, все, что в мире есть,
Стояли над домами.

О вечных таинств торжество,
Предвосхищенье рая!
Но на рассвете волшебство,
Как звёзды, умирает.

Всё разрешится – се ля ви! –
Ночной горячкой речи:
Всю ночь шептать слова любви
И – не узнать при встрече.

***

Жизнь не отоваришь –
Хлопоты бесплодные.
Варишь, варишь, варишь...
Глядь – опять голодные.

Только с плеч гора лишь –
Вновь в быту погрязла я.
Моешь и стираешь,
Смотришь – снова грязное.

А порой отступишь
От постылых правил сих –

Любишь, любишь, любишь...
И опять понравился!

***

Я знаю: истина в вине.

А.Блок

Нет, не в вине она, а в чае.
В тебе, мой чай, души не чаю.
Заваривайся и крепчай,
И угощай, и привечай
Того, кто всех на свете слаще,
Кому я как бы невзначай
Скажу: ходи сюда почаще
И жизнь мою возьми на чай.

***

Снова на чьей-то улыбки крючок,
Словно беспечная рыбка, попалась.
Мало как будто в жизни досталось.
Манит в тумане любви червячок.

В кровь разбивая губы и лбы,
Биться в сетях, задыхаясь и мучась.
Вечная рыба и бабья участь!
Неотвратимы уроки судьбы.

Мир нам готовит пир на крови.
Ладит ловушку ласковый витязь.
Остановитесь! Не становитесь,
Бабы и рыбы – рабами любви.

***

Перед зеркалом красуюсь,
От тебя я слышу: «Рубенс!»

Огорчилась: неужель?
А мне мнилось – Рафаэль!

Вот истаю, словно воск, –
Будет Брейгель или Босх!

***

Жизни нет от полноты.
Нечего надеть.
Мне для счастья полноты
Надо похудеть.

Ненавижу полноту
И всё то, что с ней

Как-то связано в быту
Человеко-дней.

Полной грудью не дышу,
(может лопнуть шов),
Полной рифмой не спешу
Украшать стишок.

Полноводная река
Мне и та тошна,
И пошлее колобка
Полная луна.

Надо, надо, – говорю, –
Зверски голодать.
И готовностью горю
Полсебя отдать

В жертву будущей себе,
Стройной, как газель.
Голод с совестью в борьбе
Спрячт и досель.

***

В автобусе мне место уступили.
Галантный тон. Усы и борода.
– Как женщина ещё я, значит, в силе, –
Так сладко мне подумалось тогда.

Но после вдруг сомненья подступили
И отравили сладость лебедой:
Как женщине его мне уступили
Или как женщине немолодой?

***

С крыльев бабочки пыльца
Облетела.
Нет уже того лица,
Да и тела.

И всё реже суд молвы
Обличает.
И по отчеству, увы,
Величают.

Тает

Тает снег... Тает лед...
Тает в небе самолет...
Тают в сумраке года...
Тает счастье без следа...

Всё вода, вода, вода!

***

Никто уже не смотрит вслед,
А было время – оборачивались.
Как сбросить нам заклятье лет,
В царевен снова оборачиваясь?

И, кажется, рецепт простой:
Целуй меня, целуй сто раз, молю,
И стану, словно в сказке той,
Я Василисою Прекрасною.

***

Прекрасная Дама любила другого.
(Любой рядом с Блоком был смерд!)
То Белого, то арлекина-Чулкова,
А после был паж Дагоберт.

Остались записки стареющей Любы,
Где строки, бесстыдством светясь,
Взахлёб рисовали объятия, губы
И всю их преступную связь.

«Я сбросила всё и в момент распустила
Блистательный полог волос.
Какая была в нём порочная сила,
Какая любовная злость!

Согласие полное всех ощущений,
Экстаз до беспамятства чувств...»
Дословно почти, без преувеличений
Цитирую с авторских уст.

Промолвила с грустью Ахматова Анна,
Прочтя, что попало в печать:
«Ах, ей, чтоб остаться Прекрасною Дамой,
Всего только бы промолчать...»

***

На кой мне чёрт душа твоя.

М.Лермонтов

Толстой страдал, что он не любит крыс.
Всё сокрушался, что так некрасивы.
Гадливости своей не в силах скрыть,
Хотел любить, но был любить не в силах.

Никто не любит чёрненькими нас.
Не нужен Сирано и Квазимодо.
Лягушка лишь царевною нужна.
Нет дела никому, что так нежна,
Так хороша душа-то у уroda!

***

В моей жизни – жирным курсивом
Всё, что связано с той зимой.
Слава богу, что некрасивый –
Тем вернее ты будешь мой.

Пусть кривой, глухой, хромой –
Лишь бы мой!

***

И некому послушать,
И не с кем говорить...
Кому скормить бы душу?
Кому себя стравить?

«Согреть другому ужин»...
А после ждать ножа?
Чужому ужин нужен,
А вовсе не душа.

Убережась от блажи,
Сбежит в свои края.
«На кой мне чёрт, – он скажет, –
Нужна душа твоя?»

И кличешь, как кликуша,
Того, кто скажет: «пить»...
Кому скормить бы душу?
Кому себя стравить?

***

Телефон звонит в передней.
Я задерживаю шаг.
Почему-то медлю, медлю
Трубку тронуть за рычаг.

И гадаю: чей же голос
Прозвучит сейчас в тиши,
Утоляя вечный голод
Пира жаждущей души?

Кто хранит в уме неброский
Телефонный номер мой?

Кто так одинок сиротски,
Что звонит ко мне домой?

Чьё так искренно участие
И нужна я так кому,
Что звонок уж четверть часа
Надрывается в дому?

Я спешу на роскошь пира.
В мыслях радуюсь: виват!
– Это сауна? Квартира?!
Обознался. Виноват.

***

«Как дела? Какие планы?» –
Слышим часто от других.
«Как здоровье? Как зарплата?», –
Сами вопрошаем их.

Всяк во всё суёт свой носик
Так, как долг ему велит.
И никто, никто не спросит:
«Как душа? О чем болит?»

***

Дождик плюёт и сморкается.
Ноги лакают слякоть.
Смерть – светодню. Смеркается.
Хочется пить и плакать.

Всё не во вкусе. Не в фокусе:
Хмарево и неярко.
Насморк. Мигрень. Что проку в сем?
Да и вся жизнь насмарку.

***

Кончался дождик. Шёл на убыль,
Последним жертвуя грошом.
И пели трубы, словно губы,
О чём-то свежем и большем.

Уже в предчувствии разлуки
С землёй, висел на волоске
И ввысь тянул худые руки.
Он с небом был накоротке.

О чём-то он бурчал, пророчил,
Твердил о том, что одинок...
Но память дождика короче
Предлинных рук его и ног.

Наутро он уже не помнит,
С кого в саду листву срывал,
Как он ломился в двери комнат,
И что он окнам заливал.

***

Как близоруко призрачное счастье.
Оно мерцает всюду и нигде,
Даря свой облик издали, отчасти.
Его глаза туманные лучатся,
Как солнечные блики на воде.

Оно – пятно расплывчатое света...
Но стоит лишь тебе надеть очки,
И ты воскликнешь: «Боже, что же это?!»
Где лунный лик, приснившийся поэту?
Какие-то болячки и клочки

Волос...Из серебристого тумана
Возникнет морда, шея с кадыком,
Пиджак потёртый с порванным карманом.
Лицо мечты без грима, без обмана.
И это то, к чему ты был влеком?!

Все заусенцы, ссадины, дефекты,
Все желваки земного бытия...
Хотите, чтобы жизнь была конфеткой –
Загадочной, манящей и эффектной?
Очки снимите. Сделайте, как я.

В кафе «Манеж»

Задумав с мужем отдохнуть по-светски, –
Был летний вечер солнечен и свеж, –
Зашли мы с ним в кафешку на Немецкой
С двусмысленным названием «Манеж».

Застыли мы потом как истуканы,
Когда предъявлен был суровый счёт,
Включивший вилки, блюда и стаканы,
Столы и стулья, кажется, ещё.

А счёт крутой за отбивную нашу –
Как будто бы из золота она –
Терпенья моего превысил чашу, –
В себе тогда была я не вольна.

Да лучше бы на кухне мы, ей-богу,
Домашнего вкушали пирога!
В кафе «Манеж» забыли мы дорогу,
Поскольку жизнь ещё нам дорога.

Клиентов здесь не холят и не нежат,
Улыбкою рублёвой не дарят.
Обманут, обмишулят, обманежат,
А после вслед ещё обматерят.

Ода лоху

Среди человеческого чертополоха
Всегда отличишь лопуха или лоха.

На лбу у них крупно написано: «лохи».
(А следом идут дураки и дороги).

На радость эпохам родные мессии
Советского лоха взрастили в России.

Наивен и прост, он не видит подвоха
И часто впросак попадает, заохав.

Не требуя многого, радуясь крохам,
Питаюсь порой чечевицей с горохом,

Он мир удивляет сознанием совковым,
И чем-то нам люб вот таким, бестолковым.

Про лоха, прошу вас, не думайте плохо.
Он всё-таки лучше, чем хам и пройдоха.

За чистую всё принимая монету,
Но их не имея, он близок поэту.

***

И в сердце вдруг кольнуло, как ножом, –
Вгляделась в силуэт мертвецкий, скотский:
А вдруг это какой-нибудь Ханьжов?
Второй Рубцов? Иль Рыжий, иль Высоцкий?

Вот так когда-то Веничка бухал,
Есенин становился вдруг нестойкий,
Григорьев Аполлон не просыхал
И Блок был пригвождён к трактирной стойке.

Участливо склоняюсь и светло,
Ища в чертах преображенья чудо...
Но не чело мне кажется, а мурло
Незнаемый с поэзией пьянчуга.

***

Поэту не внимал народ.
Куда ни глянь – мордovorот.
Таков уж род земной.

Поэту всюду укорот.
А если кто и смотрит в рот –
Так только врач зубной.

***

Вот поэт, зовётся Цветик.
Он напишет вам сонетик.
Он не лабух, не лопух,
Он поэт Винни-Пух.

В голове его опилки,
Рифмы копят в затылке.
Громоздясь на пьедестал,
Он нас всех уже достал.

Графоманы, графоманы –
Песни, повести, романы...
В них вся совесть, ум и честь –
Не издать и не прочесть.

Сколько их? Куда их гонят?
Что в шкафу они хоронят?
Кипы папок, ни рубля
И отказов штабеля.

Заберётся на диванчик
Наш болванчик-одуванчик
И вершит души полёт.
Ай да Цветик-виршеплёт!

С Музой заключая сделки
На шумелки и пыхтелки,
Он плодит их, как акын.
Ай да Винни, сукин сын!

Это творчеством зовётся.
Слово наше отзовётся.
Бочку – даром что пусту –
Слышно людям за версту.

Мопассаны, Г., Т. Манны
Тоже были графоманы.
Просто этим повезло.
И опять судьбе назло

Он над опусом колдует...
Бог иль сын его диктует.
Так они вдвоём с Христом
Лист марают за листом.

Если вирши не по вкусу –
Все претензии – к Иусу.
Это он надиктовал
Сей продукции обвал.

Вы не смейтесь над поэтом.
Он явился к вам с приветом.
У него надменный вид.
Будет Цветик знаменит.

Он не пашет и не строит,
Он – звезда, он астероид,
Залетевший издаля
На планету к нам Земля.

Вот пройдёт лет двести-триста –
Он тогда, как Монте-Кристо,
Критиканам отомстит –
Высоко наш Пух взлетит.

Будет он в обойме звёздной.
Мы поймём, да будет поздно,
Что такую-то строку
Не найти во всём веку.

Графоманы, графоманы...
Где же ваши эккерманы?
Каждый сам себе божок.
Пожалей его, дружок.

Цветик, Винни-Пух, Незнайка, –
Своё имя выбирай-ка.
Чем не звучный псевдоним?
Кто скрывается под ним?

***

Когда б вы знали, из какого сора...

А.Ахматова

О Боже правый, из каких помоек
Растут стихи на этих стеллажах!
Из школьных двоек, непотребных коек,
Запутавшись в словах и падежах.

Такие вирши вы ещё найдёте
На стенах туалетов без труда.
Уж слишком много плесени и дёгтя.
Сплошные лопухи и лебеда.

Язык погряз в том соре, как в трясине.
Читатель, эту лажу – отложи.
Где тот мусоросборник в магазине,
Который бы очистил стеллажи?

***

Обрастаю книгами –
Тяжкими веригами,
В прошлое ведущими,
Жизнь мою крадущими.
День бежит потоком с кручи
Всё быстрее, бурнее, круче.
Я же с книжкой под мышкой –
В подземелье серой мышкой.
Среди книжных дней и ночек
Жизнь застряла между строчек.

В книжном магазине

Распространяя запахи духов,
Она брезгливо книжки ворошила.
И продавец ей сборничек стихов
Моих неосторожно предложила.

Она, не пролистнув и полглавы,
Отбросила его к едрене-фене:
«Но это же всё классика, увы.
А мне бы что-нибудь посовременней».

А я, там оказавшись в тот момент,
Вдруг ощутив себя премного выше,
Подумала: «Вот это комплимент!
Не всяк при жизни эдакое слышит».

***

Лелею искомые строчки,
Как будто приبلудных котят.
Такие ж они одиночки,
И так же вниманья хотят.

Дитёнышей ласково кличу,
Даю им еду и питьё,
И всё, что они намурлычат,
Шутя выдаю за своё.

Но вот уж какую неделю
Меня эта мысль бередит:
Котят ли лелею на деле
Иль грею змею на груди?

И эта змея, как Олега,
Ужалит однажды до слёз.
Поэзия – это не нега,
А полная гибель всерьёз.

***

В наряд из слов благоуханных
Ряжусь и в зеркало гляжусь.
И с каждой строчкою коханой,
Как с торбой писаной, ношусь.

И даже строчку-страхолюду
Лелею, холю и блюду.
Но что-то в этом есть от блюда –
Словокупленья на виду.

***

Стихи – какой-то нонсенс, казус.
Как шквал, что кляксою стечёт.
Как будто бы вселенский хаос
Пытаюсь взять я на учёт.

Земля и небо, тише, тише.
На миг замрите не дыша.
Я лишь вожу рукой, а пишет
Моя душа, моя душа.

Бог не диктует перевод свой,
И на устах его печать.
Я за издержки производства
Сама привыкла отвечать.

***

Писать уж больше не могу.
Рука сейчас отвалится.
А голова моя – чугунок,
В котором что-то варится.

Как отзовется то, что в нём?
Кому-нибудь понравится,
Кто – безразличным будет пнём,
А кто-то – и отравится.

***

Порой иду и вижу в страхе:
Непробиваемо глухи,
Мелькают рожи, морды, ряхи, –
Им не нужны мои стихи.

Но есть ещё глаза и уши,
Я их повсюду узнаю.
И вижу лица, лики, души, —
Для них живу, дышу, пою.

***

Стих мой рождённый,
Мне на печаль,
Ты искаженный
Вышел в печать.

Лучших отрезать
Несколько строк —
Словно от тела
Отрезать кусок.

Что ж тут поделаться...
Кричи — не кричи.
В чём-то редакторы
Все палачи.

Взял, отхватил
Ни за что, ни про что.
Был бы ты стих,
А теперь уж не то.

Стих мой несчастный,
Стих мой калека,
Видеть в тебе
Не хотят человека.

Что же мне делать?
Дайте ответ!
Стих мой, зачем ты
Явился на свет?

Знай же, редактор,
Помни теперь —
Прежде, чем резать,
Семь раз отмерь!

***

Пророки вечно в дураках.
Их жизнь тому порукой.
И ангел в серых облаках
Глядит сердитым букой.

Как будто лишь одну вина
Во всей вселенской дури,

Он смотрит сверху на меня,
Как волк в овечьей шкуре.

***

Пусть кто-то будет резок крайне,
Пусть кто-то борется и спорит,
А я – за гранью, я – за гранью
Добра и зла, любви и горя.

Пусть кто-то там слюною брызжет,
Кричит и кроет что есть мочи, –
Я буду выше этой крыши
И тише украинской ночи.

Меня не соблазните дрянью.
Дразните – буду словно пень я.
Ведь я – за гранью, я – за гранью...
Не выводите из терпенья.

***

Экстрасенсы и суггестологи,
Врачеватели и целители,
Ясновидящие, астрологи –
Наши доблестные «спасители»,

Знатоки черно-белой магии
Самой что ни на есть категории,
Колдуны, чародеи всякие, –
Скольких вы уже объегорили?

Вы могущественны, как Кришна,
Вы привычны к публичному буму.
Посоветовавшись со Всевышним,
Называете круглую сумму.

Там и сям открываются курсы –
Обученье платное чарам.
Нет способностей? Были б ресурсы!
Не таких уж обучали.

Мы замерим вам биополе,
Зарядим целебную воду.
Налетай! Исцелись от боли!
Пока есть на нас еще мода.

Оба Глобы мыслят глобально
И ворочают судьбами мира.
Если звезды столкнутся случайно,
Знай: в продаже не будет кефира.

Кто ты есть? Козерог иль рыба?
Нам судьба уготована скопом.
Мы мозгами раскинуть могли бы,
Но зачем, коль есть гороскопы?

Ворожба, приворот, наговоры,
Бесконтактных массажей лажа.
Оккультисты, шаманы, воры, –
Поумнеем мы все когда же?!

В нашем пошлом, замшелом быте
Не от порчи прошу или сглаза, –
Сохрани ты меня, Спаситель,
От носителей этой заразы:

От дурмана дурных шаманов,
Колдунов, озабоченных сексом,
Сохрани ты мои карманы
От обмана всех экстрасенсов!

1993

***

Говорят, что есть они, флюиды,
От виска к виску.
Что же Вы не слышите обиды
И мою тоску?

Если есть и вправду биополе,
Импульсы в крови,
Отчего не чувствуете боли
И ожог любви?

Если б биотоки эти были –
Верят, дурачки! –
Вас бы так они испепелили,
Что осталась только б горстка пыли,
Ручка да очки.

***

Вы мне сказали: «Тема закрыта».
Словно захлопнулась дверь.
Сердце разбито. Сиж у корыта.
Что тут попишешь теперь.

О почтальоны! Оставьте конверты,
Ставьте на сердце печать!
Можно о жизни. Можно о смерти.
Только о главном – молчать.

Заживо нежность в землю зарыта.
В стойло вернулся Пегас.
Вены не вскрыты. Тема закрыта.
Словно покойнику – глаз.

***

Друзья по Интернету,
Собратья по перу...
Но жизни в этом нету,
Как в свёкле на пару.

Любовь по телефону –
Безликая весьма.
И почте электронной
Не заменить письма.

Несёт в себе угрозу
Компьютерная мышь
Сквозь стёкла нюхать розу,
Дышать через камыш.

О друг мой виртуальный,
Подмена, суррогат,
Пусть я не актуальна,
Как старый агрегат,

Но не куплю компьютер
И принтер не куплю.
Люблю я свежесть утра,
Живую жизнь люблю!

***

На языке бульварных площадей,
Базарных перебранок меж людей,
Очередей – со мною говорила
Простая жизнь народа без затей.

И мне хотелось быть такой, как все:
Не пятой спицей в общем колесе,
Не о красе всея вселенной думать,
А, как и весь народ, – о колбасе.

Я от прекраснодушия лечусь,
Ненормативной лексике учусь,
И чувствую: ещё совсем немного –
И я пойму умом родную Русь.

1991

***

Что значит – на картошку посылать,
На посевную, овощную базу,
Младое племя – что за благодать! –
Наверное, не слышало ни разу.

История не раз их удивит
Словами: «персоналка», «аморалка»,
«Звать на ковёр», «поставили на вид».
Сейчас они звучат смешно и жалко.

Давно уж снят студенческий значок,
Сор времени уже исчез из виду.
Но вспомню, как не ставили зачёт
Мне Ленинский – и не унять обиду.

***

Я голошу и гоношусь,
И голосую гласно,
Но никогда не соглашусь,
С чем буду не согласна.

Я гласная, а не согласная,
И этим кой-кому опасная.

Я в голос буду голосить,
Голосовать руками,
Но не могу я выносить
Согласья с дураками.

Я гласная, а не согласная,
И потому такая классная.

***

Деспоты не любят диспутов.
Если ты не тварь и тля –
Неустанно и неистово
Вырывай из горла кляп.

Смертный грех – чегоугодие.
Не переступи межу.
Богу одному – свободе я –
Поклоняюсь и служу.

Но куда теперь податься мне?
Где луч света среди мглы?
Глупы и нелепы Чацкие,
А Молчалины подлы.

Софьи выберут Молчалиных
В президенты и в мужья.
Остаётся лишь в отчаянье
Застрелиться из ружья.

***

Меня от Достоевского знобит:
Углы, подвалы, жёлтые билеты...
Герой всегда изломан и забит,
И что ни героиня – то с приветом.

Истерики, чахоточных плевки...
То в дрожь тебя бросает, то в зевоту.
О мир, где вместо неба – чердаки,
А лучшие из лучших – идиоты!

***

Любовь – одно большое ухо,
чтоб всё поймать и понимать.
Не зренье – обостренье слуха,
так, как ребёнка слышит мать.

Зачем же уши вам такие? –
как в сказке, спросит визави.
– Чтоб вас услышать, дорогие.
О, уши длинные любви!

***

Ваше востромордие,
госпожа собака!
Для кого-то – орды вас,
для меня – одна ты.

Глазки словно вишенки,
хвостик-молотилка.
Ох ты, моё лишенько,
грязная подстилка.

Как бы ты ни гадила,
что б ни натворила,
дня нет, чтобы я тебя
не боготворила.

Ваше хитромордие,
маленькая скверность.
Ты достойна ордена
за любовь и верность.

Пусть отродье сучье ты,
бестия-вострушка,

для меня ты, в сущности,
лучшая подружка.

***

Средь скопища идей
ты извлеки одну:
есть вечер-чародей,
рисующий луну.

Средь сонмища вещей,
где ты никто, ничей –
всегда найдётся щель
для солнечных лучей.

Средь множества людей
всегда найдётся тот,
кто будет не злодей
а просто идиот.

***

Лишь два слова о том, как одна патриотка,
для которой не звание это – работка,
вдохновенно в газете меня костерила,
применяя привычное это мерило.

Русофобка, охальница, мол, нигилистка!
Не поставят читатели ей обелиска
за геройское рвенье защиты России,
то бишь горе-поэта, вождя и мессии.

Ничего не отвечу я этой газетке,
лизоблюдке усердной её, профурсетке,
и редактору с именем гордым Огрызок
не скажу, как убог его автор и низок,

оттого, что давно уже этой газете
и подобным "творениям" место в клозете.

Дутым авторитетам

Не устану с вас маски срывать
и надетые свитой короны.
Не давая газетам соврать,
голых идолов стаскивать с трона.

Забавляться, невольно следя,
помещая мурло ваше в "гугл",
как выходит весь воздух, свистя,
из надутых рекламою кукол.

***

Жара 2010-го!
О, что ты делаешь с людьми?!
Любого, духотой распятого,
кто хочешь — тёпленьким возьми.

К чему теперь парная, сауна?
В любую комнату войти —
и скоро превратишься в дауна.
А лето лишь на полпути!

Кто в этом пекле адском выживет?
Горят деревни, как дрова,
и, кажется, нутро всё выжжено,
как эта жухлая трава.

С утра в тени — под сорок. Муторно...
Не до друзей, не до врагов.
И пар клубится над компьютером
моих расплавленных мозгов.

О лето клятое, заслатое
из преисподней к нам — как знать?
В мороз 2010-го
тебя мы будем вспоминать.

И, может быть, с иными бедами
ты нам покажешься родней...
Как Блок писал: "О, были б ведомы
нам хлад и мрак грядущих дней!"

И посему пусть нынче туго нам,
но норы истины упрямы:
жара — она к морозам с вьюгами,
июли — это к декабрям.

***

Где найти козла отпущения
Всех грехов моих и стихов?
У кого попросить прощения,
Что сама я и мир таков?

Вот и радуга сверху свесилась,
Руку тянет моей в ответ.
Ах, и держит-то всех на свете нас
То, чего на поверку нет.

***

Мелькают лица: тёти, дяди...
Мы все – единая семья.
Махнуться жизнями, не глядя.
Какая разница, друзья?

Покуда не свалюсь со стула,
Сижу и знай себе пишу.
На жизнь давно рукой махнула,
Кому-то дальнему машу.